«...ЗА ВСЕ, ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ»

МЫСЛИ ПО ПОВОДУ НОВОГО СБОРНИКА ПЕСЕН НА СТИХИ ВЛАДИМИРА ЛАЗАРЕВА

свое самосознание, возводит его до высоты философских обобщений, до постижения мудрости истории. Этот цикл — одно из самых обширных и пристальных обращений к куликовской теме в русской и советской поэзии. И он является в известной мере программным для его автора.

В только что напечатанной в журнале «Наш современник» (№ 10 за 1983 г.) развернутой рецензии на вышедшую в 1982 году книгу стихов Владимира Лазарева «Брат милосердия» известный критик А. Кондратович (бывший заместитель А. Т. Твардовского по редакции журнала «Новый мир»), характеризуя плодотворное стремление поэта творчески освоить и донести до широкой аудитории «культурные реалии», отмечает: «В сборнике Владимира Лазарева немало стихотворений, связанных с отечественной историей, культурой, навеянных размышлениями о прошлом: «Андрей Рублев», «Раздумья у могилы Кюхельбекера в Тобольске», «Воспоминания о военном капельмейстере Илье Шагрове», «Русская колония в Потсдаме», «Тропинка к дому Жуковского» и т. д. Все они входят в современность и свидетельствуют о том, что сам автор — и знаток истории, особенно русской словесности, и человек, остро чувствующий, как в нас, читателях, углубляется сейчас интерес к прошлому Отечества».

Открой мне, мать
Непрядва,
на рассвете —
тебе даво предвиденье
земное! —
затмит ли наши жизни
лихолетье?
И распадется ль мир
и станет мглой?

Это напоминает «Песнь о вешем Олеге», но в роли кудесника здесь поэт выводит свидетельницу народной трагедии, русскую речку, которая, по преданию, три дня и три ночи кровью текла после великой сечи. Это одушевление географического понятия в высшей степени поэтично и убедительно, и мысль поэта достигает пронзительной остроты.

Для Лазарева мотивы боли и тревоги не внове. Четверть века назад, в сразу же ставших знаменитыми «Березах», прозвучало:

Неужто свинцовой метелью
земля запыляет окрест,

и снова в солдатских шинелях
ребята уйдут от невест?

Знакомые строки мы находим и в сборнике «Не остуди свое сердце...» И, как двадцать пять лет назад, они будоражат нам душу, наполняют ее острой болью за погибших сверстников, братьев, отцов, дедов и за тех, кому, возможно, предстоит их участь. А главное — заряжают решимостью предотвратить несчастье, не мириться с ним, не покоряться ему. Третьей мировой быть не должно!

Вслед за военным поколением,
прошедшим смертный круг войны,
напором жизни,
как вельнем,
мы свод времен
держат должны.

Вместе со всеми людьми доброй воли поэт утверждает: не война спасет мир и цивилизацию, война погубит ее. Спасение — в мирном сосуществовании людей, чем бы ни были они разделены. Именно до такой высоты, еще не бывалой в истории, должна быть поднята людская нравственность. Тезис осмысливается поэтически-философски:

Сердце, раненное с детства,
да исповедует любовь!
Тут энергетический стержень
творчества Лазарева,
его пафос.

А как же быть с ненавистью к врагам, спироят нас? Можно ли любить насильника, приставившего нож к горлу твоих детей и их матери? Вопрос, который задавали еще Льву Толстому. И на который он ответил в «Войне и мире». Ответ лежит в призыве к истинному подвигу во имя защиты добра, справедливости, Родины.

В рецензии на сборник «Брат милосердия» в «Литературной России» (24 июня 1983 г.) Ст. Золотцев отмечал: «Мастерство поэта чувствуется и в тех вещах, где он пишет портреты близких его сердцу людей — современников ли, сельских учителей-подвижников («Коренные жители»), или просто нынешнего подростка, за духовное будущее которого он тревожится. Ответственность перед ними — как и перед древними ценностями зодчества — есть для поэта ответственность перед будущим, скрепляющая единый образ времени».

От глобальной темы поднятия нравственности до высот

отрицания войны, точно ветви от ствола, расходятся в творчестве Лазарева другие проблемы, остро волнующие нас сегодня. «От загрязнения Землю сберечь... Сохранить все, что нам близко к детству, что было дорого отцам и предкам нашим...»

Здесь тоскует черемуха
белая,
вечерея, туманы плывут.
Зарастает тропинка
несмелая,
забывает, как речку зовут.
А как звали деревню,
неведомо ни тропинке уже, ни реке...
На сто верст тишина
невесомая,
и смотрю я,
почти не дыша, —
то ли ветер обнял с черемою,
то ли тень гармониста
прошла.
(«Зарастает тропинка»,
муз. В. Пикуля).

Невольно вспоминается Исаковский:
Снова замерло все
до рассвета,
дверь не скрипнет,
не вспыхнет огонь.
Только слышно —
на улице где-то
одинокая бродит гармонь.
Всего треть века — и от гармониста осталась лишь тень... И это сострунно нашим тревогам, нашим заботам сегодня. Сколько усилий прилагаем мы к тому, чтобы вернуть жизнь опустевшим селам и деревням, чтобы снова зазвучали в них молодые песни.

Дважды употребляется в стихотворении слово, которое есть у Дая, но мало известно: черема, как синоним черемухи. На это обращает внимание, такие находки оживляют и разнообразят язык, свидетельствуют о стилистических поисках поэта.

Серьезность отношения писателя к жизни и литературе всегда служила мерилом его значения. Тем более она важна сейчас. Говоря о творческих традициях Лазарева, нельзя не коснуться его жизненной позиции. Она тесно связана с ними. Без «жизненного дела», о необходимости которого так заботились Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, А. М. Горький, прочная нить которого тянется еще от Жуковского и Гоголя, трудно представить русского литератора. Литератор — учитель людей, а не развлекатель. Но учитель не может учить чему

либо, чего не делает, не хочет или не умеет делать сам. Вот почему так не просто быть писателем — даже имея талант, даже ограничив его высокой культурой. Толстой открывал школы и учил в них детей, строил избу вдове-крестьянке, кормил земледельцев в голод. Сколько примеров подобных деяний показали классики литературы!

Об этом не должен забывать литератор и в наши дни. Лазарев не забывает. Он многое делает на ниве просветительства. (Это неправда, будто в наши дни всеобщей грамотности, высокого образовательного уровня и государственной заботы о воспитании людей просветительство в старом смысле не нужно, будто оно отжило свой век. Пусть каждый, кто может, и сам возделывает вокруг себя почву для произрастания семян разумного, доброго, вечного!).

Еще раз сошлюсь на рецензию А. Кондратовича в журнале «Наш современник». Упомянув там выпуск Лазаревым антологий «Поэзия российских деревень» (издательство «Советская Россия», 1982 г.), критик говорит о том, что ее составитель открыл современному читателю ряд забытых поэтов — Федора Слепушкина, Василия Ерошенко, Ивана Осокина, Никтополиона Святского, Алексея Разоренова, Ефима Честякова. Потребовались большой исследовательский труд, немалые затраты времени и сил, чтобы извлечь из архивов творения стихотворцев и сведения о них самих. Лазарев не пожалел таких затрат — и вышла замечательная хрестоматия. Немало сделал он для популяризации творчества А. Т. Болотова, А. Л. Чижевского, Н. Ф. Федорова, И. Т. Посошкова, Н. В. Успенского.

Серьезные усилия В. Лазарева были направлены на то, чтобы как можно лучше отметить двухсотлетие со дня рождения В. А. Жуковского, основать литературный мемориал на его родине — в селе Мишенском. Многочисленные поездки в Белев, встречи с партийными, советскими работниками, краеведами и учителями, школьниками. Организация вечеров и Жуковских чтений, доклады в Пушкинском доме и в Институте мировой литературы, выступления в Политехническом музее, Центральном доме литераторов, в Туле, пуб-

ликация в журналах и газетах. Два доклада о творчестве Жуковского — «Воля к развитию романтизма» и «В. А. Жуковский и русская поэзия XIX—XX веков» — отмечены специалистами как серьезный вклад в изучение влияния великого поэта на литературный процесс.

Большую и кропотливую работу провел Владимир Лазарев по составлению и редактированию поэтических антологий «Невыдуманные поэмы» (три тома, изданные «Молодой гвардией»), «Колокола веков» (русская историческая поэзия), «Стихи о музыке» («Советский композитор»). Им вложено много сил в составление московского сборника «День поэзии» 1981 года и трех выпусков «Дня песни». Плодотворно работает Лазарев в качестве члена редколлегии «Альманаха библиофила».

Эта деятельность не может не вызывать ответной реакции самых различных людей. Лазареву пишут со всех концов страны ученые, краеведы, учителя, школьники, журналисты, писатели, рабочие, музыканты, артисты, композиторы. Вот письмо из Киева — от праправнучки известного русского писателя В. В. Капниста Марии Ростиславовны Капнист; она просит совета по вопросам, связанным с увековечением памяти автора вошедшей в нашу историю комедии «Ябеда».

После диалогов В. Я. Лазарева с критиком В. В. Кожиновым «Дар бесценный» и «О культуре подлинной и мнимой», опубликованных летом 1983 г. в «Книжном обозрении», воронежский библиофил О. Ласунский шлет составленную и прокомментированную им книгу забытой писательницы прошлого века Валентины Дмитриевой в Москву, поэту Владимиру Лазареву...

Недавно, будучи у Владимира Яковлевича, увидел я у него изданный в Красноярске томик Виктора Астафьева «Затеси». На титульном листе прочел: «Владимиру Лазареву. Дорогой Володя! Прими мой осенний падающий листок из далекой Сибири для согрева души и в знак благодарности за все, что ты делаешь. В. Астафьев. Сентябрь 1983 г., село Овсянка». (Одна из глав «Затесей» называется «Падение листа»).

Обратите внимание: «В знак благодарности за все, что ты делаешь».

«Не остуди свое сердце...», «Для согрева души... Какое совпадение целей! Одна и та же «волна» объединяет таких разных и значительных писателей!

С. НОРИЛЬСКИЙ.
г. Тула.